

Тыну40k
Goblina

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

РАЗВЕД ОПРОС

КЛИМ ЖУКОВ

**ВИКИНГИ.
ИСТОРИЯ ЭПОХИ**

793–1066

Разведопрос

Дмитрий Пучков

Викинги. История эпохи. 793–1066

«Питер»

2021

УДК 94(368)
ББК 63.3(0)417

Пучков Д. Ю.

Викинги. История эпохи. 793–1066 / Д. Ю. Пучков — «Питер»,
2021 — (Разведопрос)

ISBN 978-5-00116-605-4

Книга историка-медиевиста, исторического реконструктора Клина Жукова посвящена развенчанию популярных клише об эпохе викингов. Кем они были? Свирепыми пришельцами с дикого Севера, непобедимыми морскими разбойниками или колонизаторами, торговцами, экспортерами новых идей, технологии, верований и обычаев? Что заставило их выйти за пределы Скандинавии и почему это вылилось в массированный военный натиск, превратившийся в страшное бедствие для Европы? Автор досконально рассматривает отдельные стороны истории викингов: оружие, корабли, походы и военную стратегию, торговлю и экономику, контакты с соседними народами и государствами. От легендарного конунга Рагнара Кожаные Штаны до Харальда Сурового, после смерти которого закончилась эпоха викингов, мы попытаемся проследить основные вехи одной из наиболее ярких страниц мировой истории. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(368)
ББК 63.3(0)417

ISBN 978-5-00116-605-4

© Пучков Д. Ю., 2021
© Питер, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1. У истоков эпохи викингов	7
Глава 2. Вооружение и военное дело	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Goblin Пучков, Клим Жуков
Викинги. История эпохи: 793-1066 гг.
Предисловие Дмитрий GOBLIN Пучков

© ООО Издательство «Питер», 2021

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2021

© Клим Жуков, 2021

© Дмитрий GOBLIN Пучков, предисловие, 2021

Введение

В истории прошлого существует не так много периодов, о которых наслышаны буквально все, начиная со школьников, по всему миру. Древний Рим, Великое переселение народов, Крестовые походы... В ряду реперных точек на хронологической шкале свое место по праву занимает эпоха викингов. Трудно найти человека, хоть что-то слышавшего и читавшего, который затруднится хотя бы в двух словах охарактеризовать это явление. Конечно, здесь свое веское слово сказал кинематограф (а теперь еще и компьютерные игры), но для столь устойчивого источника вдохновения нужна по-настоящему великая эпоха, каковую, без сомнений, породили знаменитые викинги.

Кем они были? Что заставило католическую церковь ввести в состав официального богослужебного чина формулу *A furore Normannorum liberanos, o Domine!* – «От ярости норманнов избави нас, Господи!»? Мало ли было в раннем Средневековье – времени беспокойном и даже страшном, времени, которое позже стали называть говорящим термином «темные века», – опасных завоевателей? Их хватало с избытком.

Но ни авары в VI–VIII веках, ни венгры в IX–X столетиях, ни даже гунны на излете Античности подобного внимания не удостоились. И тому была причина.

Никогда Европа не подвергалась столь всеобъемлющей универсальной опасности, которая исходила бы не со стороны, а из самой Европы. Опасность эта обладала такой интенсивностью и последовательной продолжительностью, что из простой угрозы, требующей реакции, превратилась в фактор жизни, каковой и позволил назвать целую эпоху по имени явления – **эпохой викингов**. Пусть это историографический конструкт и сами современники вряд ли догадывались, что их время кто-то назовет подобным образом, но феномен, без сомнения, существовал, и влияние его невозможно переоценить.

В далеком «чреве мира», в Скандинавии, которую Тацит считал островом, в последнем языческом регионе Европы шли процессы, которым суждено было породить финальное эхо Великого переселения, вобрав в себя инерцию, казалось бы, давно состоявшегося разрушения римской ойкумены и нечто новое – в виде экономики, культуры, вооружения и военного дела. Северные германцы – люди суровые и беспокойные. Они воевали и грабили соседей и друг друга на протяжении веков, как и многие другие. На первый взгляд, им суждено было стать еще одними варварами, на окраине Европы, залившими кровью свой регион, чтобы в бесконечных малых войнах создать новый кластер раннефеодальной государственности, встав в ряд обычных политических партнеров.

Клим Жуков

Дмитрий Goblin Пучков

Глава 1. У истоков эпохи викингов

Начинаем погружение в эпоху викингов. Конечно, викингами они стали не сразу – и, чтобы в этом как следует разобраться, начнем с определения круга проблем, связанных с данной темой: что собой представляет эпоха викингов, какова ее хронология, кто такие викинги вообще. Сразу отмечу, что сам по себе термин «эпоха викингов» – понятие, скорее, историографическое (как, например, Киевская Русь), поскольку само данное понятие является довольно искусственным образованием. Оно, конечно, имеет под собой конкретные логические основания: началом этой эпохи принято считать атаку на монастырь Святого Кутберта на острове **Линдисфарн** в Нортумбрии в **793 году**, а окончанием – битву у **Стамфорд-Бриджа** 25 сентября **1066 года**, где погиб Харальд Сигурдссон Хардрада (который в свое время даже был соратником нашего властителя Ярослава Мудрого и принимал участие в кампании против поляков в качестве одного из предводителей войск Руси¹).

И вот что странно: никого в то давнее время не смущало, что посадником в Ладогe (или, по-древнескандинавски, Альдейгьюборге) при Ярославе Мудром были два шведа подряд: Рёгнвальд Ульфсон и его сын Эйлив Рёгнвальдсон (с 1019-го и с 1045-го). Теперь же почему-то некоторыми это воспринимается чересчур нервно.

Многие полагают, что подобные хронологические рамки имеют мало общего с действительностью, но, мне кажется, такая периодизация не лишена логики. Ведь именно в это время викинги весьма ощутимо влияли на политику и экономику огромного региона – от Скандинавии до Северной Африки, от Волги до Северной Америки. Учитывая масштаб влияния, почему бы не назвать это время эпохой викингов? Вот, к примеру, в Западной Европе приблизительно тогда же расцветала эпоха Каролингов.

Стало быть, мы имеем право выделить эпоху викингов как историческое явление. Однако сами викинги появились, безусловно, гораздо раньше VIII века, просто с письменными источниками в те далекие времена дело у скандинавов обстояло довольно плохо. Еще Григорий Турский – известный франкский автор VI века, родившийся в 538 году, – описывает в своей десятитомной «Истории франков», как некие нортманы атаковали северное побережье Франкского королевства. Что это значит? Что имели место серьезные морские набеги на северные границы королевства франков, то есть истоки эпохи викингов были заложены уже тогда, хотя самой эпохи еще не существовало, да и вряд ли те морские бродяги звались викингами.

Не совсем понятно, почему в качестве начала выделяют именно 793 год, ведь за четыре года до событий на острове Линдисфарн, в 789 году, викинги уже нападали на Англию, а до этого – на графство Дорсет. Что же касается формального окончания этой эпохи (то есть битвы при Стамфорд-Бридже в 1066 году), то через две недели состоялась битва при Гастингсе, а в 1070 году скандинавы снова напали на Англию. Сложно сказать, чем эти события отличаются от последнего похода Харальда Хардрады. Поэтому можно сделать вывод, что в 1066 году целая эпоха, скорее всего, не закончилась; более того, термин «викинг» никуда не пропал, только приобрел однозначно негативную коннотацию (до этого она была условно негативной) и стал синонимом бандита, разбойника, мелкоуголовного элемента. Короче говоря, начал обозначать весьма неприятную личность даже для самих скандинавов. Это неудивительно: своих викинги тоже грабили.

¹ Глазырина Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга [Старой Ладогги] скандинавам) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. – М., 1994 (<https://norse.ulver.com/articles/glazyrina/tilgjof.html>); Джаксон Т. Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков (<http://ricolor.org/history/hr/polit/1/>).

В общем, можно говорить об эпохе викингов в широком смысле (когда викинги существовали как явление), а можно в узком смысле – что теперь и принято называть эпохой викингов: эти самые *временные* рамки со второй половины VIII века по вторую половину XI столетия. Поэтому, чтобы не привязываться к конкретным датам (хотя, безусловно, они являются очень ярким маркером), условимся, что будем говорить об эпохе викингов в узком смысле этого слова.

Итак, что такое «викинг»? Это слово вполне очевидно происходит от слова *vík* («бухта»), то есть «человек из бухты, из залива». Другое объяснение опирается на глагол *víkja* («отклоняться»), то есть викинг – «тот, кто отклоняется», «уклонист» от нормального образа жизни. Дело в том, что *víkingr* – это существительное мужского рода, а *víking* – глагольная форма, закрепившаяся, в частности, в сочетании *fara í víking* («уйти в викинг»). Таким образом, имя существительное породило глагольное сочетание – «поход с целью грабежа». Отсюда викинг – это, скорее всего, морской разбойник, пират, грабитель, который изначально базировался в некой бухте, в вике; не исключено, что в этой бухте он и занимался грабежом. Кстати, это вполне обычная практика, широко отраженная в источниках: вместо того чтобы ездить в далекую Англию, такие люди поджидали тех, кто вернется из далекой Англии с добычей, и их уже грабили.

Может возникнуть закономерный вопрос: допустим, у арабов тоже были пираты и они тоже жилали в бухтах. Почему их нельзя называть викингами? Эстонцы тоже имели своих пиратов, и, например, Олаф Трюгвасон, небезызвестный персонаж скандинавской истории и король Норвегии, в детстве попал в плен именно к пиратам-эстам. Значит ли это, что он был в плену у эстонских викингов? Или, скажем, в конце X–XI веке полабские славяне с острова Рюген тоже практиковали подобные занятия, однако и они почему-то не викинги...

Дело здесь не в особенностях различных языков, а в том, что викинг – понятие специфическое. Он не только морской разбойник, грабитель, пират. Безусловно, каждый викинг – пират, но это условие недостаточное, хотя и необходимое. Во-первых, викинг – обозначение профессии или даже, если брать шире, некоего состояния: перестать быть викингом можно было очень легко, просто бросив заниматься всеми этими неприглядными делами и став «нормальным» человеком. Во-вторых, викинг – состояние, которое подразумевает **морской грабеж параллельно с торговлей и колонизацией**, то есть викинги были своего рода военизированными культуртрегерами². Это человек, который не просто приезжает куда-то воевать, но еще и подразумевает, что он может тут остаться. Следовательно, ему придется защищать свои торговые пути от аналогичных грабителей, а самому грабить где-нибудь на стороне; если занимаешься торговлей, то буйствовать получится далеко не везде, потому что это очень вредит «бизнесу». Стало быть, требуется во многих случаях вести себя прилично и поддерживать стабильность в регионе.

К тому же может оказаться, что в некоторых местностях воевать просто неудобно: либо «плечо подвоза» с логистической точки зрения получается чересчур длинным, либо слишком велики шансы, зарвавшись, не вернуться (или вернуться не в полном составе). Однако впечатляющая удаленность от родного дома не мешала викингам творить свои бесчинства. По свидетельствам современников, они довольно регулярно несли большие потери в грабительских походах, потому что чересчур увлекались, уходили слишком далеко от своих кораблей или захватывали слишком много добычи и пленников. Среди таких неудачных вылазок, в частности, – набег на Севилью (844 год), который осуществили некие росы, наши будущие родственники, и нападение на город Бердаа (943 год) на Каспийском море. Только представим себе расстояние между Скандинавией и Каспийским морем!

² Человек, который, распространяя культуру и просвещение, попутно преследует свои корыстные интересы. – *Примеч. ред.*

Те же, кто не выполнял торгово-колонизаторских функций, были просто разбойниками, а вовсе не викингами. Правда, как говорилось выше, уже в VIII–IX веках слово «викинг» не подразумевало ничего хорошего. Вот пример: в «Саге об Эгиле» семилетний Эгиль поссорился с соседским мальчиком и прорубил ему голову топором. В дело вмешались взрослые, добавив в картину несколько трупов с той и с другой стороны, а мать Эгиля выразила уверенность, что сын, когда вырастет, станет викингом. Конечно, мать ребенку плохого не пожелает, но, скорее всего, она имела в виду, что сын ее настолько буйный, что другой дороги ему не светит, и пусть лучше уплывает на своем корабле с глаз долой³.

Таков в общих чертах смысл понятия «викинг». Не забудем неотъемлемые черты мировоззрения этих людей, уверенных, что достойно умереть (и попасть, таким образом, в рай) можно только в бою, покрыв себя воинской славой. Такая система понятий характерна не только для культуры викингов, но и для воинской культуры скандинавов в целом: это своеобразный последний отголосок Великого переселения народов, переживший само переселение на много веков. В этом отношении викинги ничем не отличались от древних германцев, так что сведения, приводимые Тацитом⁴ в 98 году н. э., можно спокойно применить и ко всем скандинавам раннего Средневековья.

В VIII веке в Скандинавии (совокупно в Дании, Норвегии и Швеции) проживало **порядка миллиона или самое большее полутора миллионов человек**. Определить точнее не представляется возможным, так как никаких переписей, естественно, не проводилось. Такая численность невелика, но для того времени и тех условий жизни может считаться достаточной. Понятное дело, что все поголовно скандинавы викингами быть не могли, ибо подобные разбойники – это всегда некая надстройка над обычным обществом, которая должна базироваться на прочном материальном и культурном основании.

Здесь мы плавно переходим к еще одному вопросу, который необходимо затронуть в начале нашей беседы. Все дальнейшее обсуждение эпохи викингов будет построено вокруг главной проблемы: почему им не сиделось в родной Скандинавии, что их вообще погнало в чужие края и почему это вылилось в такой массивный военный натиск?

Прежде всего взглянем на карту Европы: что представляет собой Скандинавия? Она является одним из двух больших полуостровов Европейского континента (второй – Пиренейский): эти две огромные территории на севере и на юге ограничивают Европу со стороны Атлантического океана. Скандинавия четко зонирована климатически и, можно сказать, агрокультурно: на крайнем ее севере **природа очень сурова, леса обширны**, а по направлению к Финляндии имеется даже **тундра**. До сих пор эти места не могут похвастаться большой плотностью населения, а уж в те времена там обитали разве что какие-нибудь совсем дикие охотники или же те, кто приходил из Скандинавии на промысел пушного зверя. Примерно посередине Скандинавия разделена горами, проводящими черту между севером и югом. Сами горы, естественно, тоже очень скудно населены (до сих пор), ибо заниматься в горах нечем, кроме как добывать железную руду.

За горами же, в южной части полуострова, климатическая зона совершенно другая: течение **Гольфстрим** обеспечивает в ней мягкий океанический климат, довольно прохладное лето и относительно мягкую зиму, и основное население сосредоточено именно на **южных территориях**. Однако, несмотря на то что там достаточно тепло, земля все же **не слишком плодородна** и при ее обработке приходится прилагать немало усилий, к тому же без гарантии серьезного результата. И самое главное – в этих краях не очень много пригодной для возделывания

³ Сага об Эгиле Скаллаграмссоне (<http://norroen.info/src/isl/egil/ru.html>).

⁴ «Германия» (лат. *De origine, situ, moribus ac populis Germanorum*, «О происхождении, расположении, нравах и населении Германии») – составленное Тацитом этнографическое описание германских племен, живших в то время за пределами Римской империи. – *Примеч. ред.*

вания земли. Так было и во времена раннего Средневековья, когда юг полуострова был заселен совсем небольшим количеством жителей.

Чем южнее, тем почвы плодороднее благодаря тому же Гольфстриму. В провинции Сконе в современной Швеции и особенно в современной Дании (и на островах, и на полуострове Ютландия) земля не промерзает зимой. Так что в этом отношении Дании повезло даже больше, чем Украине, расположенной гораздо южнее: там земля промерзает практически везде, кроме разве что побережья Черного моря. Не забудем еще, что в раннем Средневековье, о котором мы ведем речь, имел место **средневековый климатический оптимум**, то есть на территории всего Северного полушария было примерно на четыре градуса теплее, чем сейчас.

К климатическим условиям добавляются особенности ландшафта. Множество островов, масса бухт; все побережье буквально изрезано **бухтами и шхерами** – мелкими скалистыми островами. Когда бухты закрыты островами, очень удобно заниматься любым морским промыслом: от шторма всегда можно спрятаться в ближайшую бухту. Это было жизненно важно в эпоху раннего Средневековья, при тогдашнем уровне кораблестроения. В случае осложнений с погодой, столь частых на Балтике, мореплавателям необходимо было иметь возможность очень быстро укрыться там, где корабль не утопит волна. Скажем, на Ладожском озере дела обстоят примерно так же, вследствие чего оно является одним из любимых мест различных подводных археологов и водолазов: там постоянно обнаруживаются любопытные находки, среди которых – и железные, и деревянные корабли. В Балтийском море ситуация усугубляется тем, что оно гораздо больше Ладожского озера, – следовательно, в нем ветер не встречает препятствий, создавая внушительную волну. Одним словом, именно наличие уже упомянутых вигов и шхер располагало к мореходству. Тем более что скандинавам и вообще северным германцам это замечательное занятие было не чуждо еще со времен, предшествовавших нашей эре, как нам точно известно из археологии и сообщений, например, того же Тацита).

Итак, мы бегло взглянули на Скандинавию, в которой античные авторы располагали утробу мира, потому что для них это была земля Ultima Thule («край света»); где конкретно она находится, все представляли себе очень плохо, лично никто в ней не был, о ней только слышали – и были уверены, что именно из нее происходили те самые германцы, которые потом доставляли всем столько проблем. Что самое интересное – оказывается, действительно из нее они и происходили, о чем теперь недвусмысленно заявляет археологическая наука.

Кто же такие эти северные германцы, которые впоследствии породили викингов? Это люди, имеющие прямое отношение к **ясторфской археологической культуре** – а она, в свою очередь, происходит из еще более древней культуры боевых топоров (получившей такое название оттого, что в раскопанных слоях, относящихся к ней, найдено огромное количество данного оружия). Замечу попутно, что боевые топоры очень отличались от обычных топоров, предназначенных для рубки дров. Кстати, излюбленным оружием викингов являлся не меч, а именно **топор**: он гораздо дешевле меча – а значит, им можно вооружить всех, в то время как приобретение меча было доступно не каждому.

Говоря о ясторфской археологической культуре, нельзя обойти вниманием тот факт, что она, по сути своей, была довольно бедной и не очень развитой – по крайней мере в начале (примерно VII век до н. э.). Вообще, богатство археологических культур напрямую связывается с богатством раскопанных поселений (чего в этом случае мы не наблюдаем) и роскошью погребального инвентаря. Ведь на что указывает богатый погребальный инвентарь? На то, что носители данной культуры в результате разнообразных занятий достигли обладания столь обширным имуществом, что могли себе позволить просто зарыть в землю определенную его часть без ущерба для оставшихся в живых. Все предметы, уложенные в могилу вместе с покойником, должны были пригодиться ему в загробной жизни (к примеру, дорогое оружие и украшения у кельтских вождей), и чем богаче захоронения, тем богаче конкретная археологическая культура в целом. Если же захоронения оказывались достаточно скромными, как в случае с

ясторфской культурой, то это вовсе не значит, что ее носители были сами по себе людьми нищими. Это значит лишь то, что они просто не могли оторвать от своих семейств слишком много полезного добра, даже ради такого важного дела, как воздание почестей усопшему. Для них подобное расточительство было практически за пределами разумного. Поэтому в захоронениях, относящихся к данной культуре, мы находим **лепную керамику**⁵ и довольно бедные украшения.

Однако создатели таких могил соседствовали – что очень важно – с носителями **латенской культуры** железного века, то есть с кельтами или их непосредственными соседями, кое-что от них перенявшими. А латенская культура знаменует собой, среди прочих достижений, начало серьезной **стальной металлургии** в западной Европе – и, соответственно, начало изготовления серьезного металлического **оружия** на севере Европы. Это лучшие мечи и лучшие шлемы, пользование которыми не считалось зазорным даже для римлян, не говоря уж о носителях все той же ясторфской культуры.

Металлургическое производство подразумевало, что люди научились не только отличать железную руду от других горных пород и плавить ее, но и ковать различные изделия. Соответственно, появилось развитое кузнечное производство, а оно, в свою очередь, невозможно без применения огромной, очень тяжелой металлической чушки с идеально гладкой поверхностью, чтобы можно было долбить по ней молотом. При всей своей простоте данное устройство является весьма непростым изобретением, до которого додумались не сразу.

Итак, представители латенской культуры научили северных германцев работать с железом на высоком уровне. Выяснилось, что совсем северные германские, то есть скандинавские, племена обладают залежами отличной руды – и вот расцвело производство металлических изделий. Появились железный лемех для плуга и масса разных необходимых в хозяйстве инструментов, в том числе оружие.

Любопытно, что северные германцы восприняли от кельтов далеко не все. Например, они охотно учились изготовлению инструментов и оружия, однако украшения не нашли такого же отклика в их душах. Как правило, настоящие латенские украшения, найденные в этих германских поселениях и захоронениях, были в свое время куплены, отняты или украдены, а не произведены в данной местности: разница в качестве между кельтским и германским изделиями видна невооруженным глазом.

Вернемся к ясторфской культуре, просуществовавшей до I века до н. э.: именно ее последних носителей, живших на грани веков, описывал Тацит. Потомки этих людей, населявшие соответствующие области в Скандинавии, дожили до того времени, когда из региона ушла Римская империя. Главный маркер смены эпох – 407 год, в котором римские легионы покинули Британию. Вдруг оказалось, что этот прекрасный остров – ничей!

⁵ Лепную керамику изготавливали не с помощью гончарного круга, а способом ручной лепки.

Фибула из Глауберга, Ла-Тен, V в до н. э.

Торвекс из золота, Ла-Тен, V век до н. э.

Более того: **бритты** (кельтские племена, в основном населявшие в те времена Британию), перессорившись между собой и устав от постоянных набегов соседей, послали делегацию через пролив к **англам, саксам и ютам** с просьбой о помощи в укреплении страны. Два брата, **Хенгист и Хорса**, откликнулись на призыв, но, переправившись в Британию со своим войском, пришли к выводу, что вместо защиты племен проще установить над ними свое господство. Таким образом, и англ, и саксы – это фактически немцы, то есть древние германцы, не имеющие никакого отношения к коренному населению Британских островов⁶.

Обосновавшись на острове, англосаксы принялись свирепо отбиваться от родственных племен, также претендовавших на эти территории. В результате обстановка накалилась настолько, что позвавшие их бритты вынуждены были – задействовав, в свою очередь, собственные родственные связи – переселиться в **Галлию** (современную Францию), где организовали провинцию **Бретонь**.

Кельты же оказались настолько свирепыми, что англосаксам так и не удалось подчинить себе некоторые земли – в частности, Уэльс и Шотландию. Забегая вперед, скажу, что в конце концов пришлось захватывать эти районы с применением военной силы на протяжении нескольких веков – с XIII до XVII века, а потом подавлять регулярно вспыхивавшие восстания.

⁶ Известное сокращение WASP (*White Anglo-Saxon Protestant*) тоже, соответственно, обозначает отнюдь не британца.

В Ирландии же противостояние не закончилось до сих пор, и ее жители знают уже чуть ли не на генетическом уровне, что от англосаксов добра ждать не следует.

Итак, что получилось в итоге? **Римлян в Британии больше нет**; весь регион оказался полностью перекроенным из-за **Великого переселения народов**; при этом Римская империя остается просто чудовищно богатой, но уже совершенно не может постоять за себя, ибо ее экономический базис трещит по швам, правящий класс вызывает у ее жителей только отрицательные эмоции и воевать за него никто не собирается... поэтому остается либо **приглашать наемников** со стороны, либо **откупаться** от набегов. И вот на север Германии как на крайнюю оконечность Европы устремляется настоящий поток сначала серебра, а потом и золота. С IV века римляне производят золотую монету **солид**, и эти монеты в огромном количестве хлынули на север, о чем нам рассказывают клады, в которых порой обнаруживается до 12 кг золота.

*Возникает закономерный вопрос: зачем же могло понадобиться закапывать золото? Для этого были разные причины: и религиозная, **воотивная** направленность (то есть принесение жертвы богам), и создание определенной «кубьшки» на будущее... а может быть, остроумное соединение религиозного и практического смысла: с одной стороны, дары богам принесены и они забрали себе **идею** этого золота, но ведь само-то золото никуда не делось – значит, никто не мешает его повторно использовать. Весьма рациональный подход.*

Кстати, в тех случаях, когда ценные вещи планировалось использовать с единственной целью – **в качестве посвящения богам**, без всяких практических видов на них, – их топили в болоте, чтобы достать уже действительно было невозможно. Любой предмет, попавший в болото, сохраняется идеально за счет того, что к нему совсем не поступает кислород. Подобное **утопление в болоте** получило такое распространение у северных германцев, что археологи до сих пор регулярно получают поводы для радости: одно только **озеро Нидам** в Шлезвиге таким образом донесло до нас больше тысячи предметов вооружения. Получается, в нем несколько столетий топили все: корабли, мечи, шлемы, щиты, копья и т. д., и уже в наше время, начав его осушать, специалисты просто не поверили своим глазам. Одних мечей было найдено порядка двух сотен⁷.

Безусловно, они сделаны не из чистого золота, однако все равно являются очень дорогими изделиями. Как правило, в дар богам топили не свое личное имущество, а военные трофеи. Оно и понятно: поход получился удачным, победа одержана, добра награблено много – следовательно, нужно уважить **Тюра** (бога неба, чести и войны) и **Вотана** (верховного бога), которые оказали помощь, поэтому часть трофеев отправляется на вечное хранение в болото.

Возвращаемся к тем потокам золота, тем невысказанным сверхдоходам, которые были направлены в этот регион буквально в течение жизни меньше чем одного поколения. Если рассматривать этот процесс в более широкой исторической перспективе, то, конечно, поток драгоценных металлов не свалился внезапно на головы северян – он так или иначе шел к ним постоянно, однако в какой-то момент интенсивность его увеличилась в разы и возникла возможность как-то сконцентрировать появившиеся ресурсы. Такое развитие событий неизбежно: как только появляется много различных ресурсов, требуется их концентрация – а значит, становятся нужны обеспечивающие эту концентрацию средства, то есть государство. Вот так и было образовано **государство Инглингов**⁸, которое описано Снорри Стурлусоном в сборнике «Хеймскрингла» («Круг земной»). Сразу надо оговориться: это государство отнюдь не в привычном для нас смысле – с президентским дворцом, Советом Федерации и двухпалатным парламентом. Ничего такого, конечно, не было – было просто **вождество**, крайне непрочное.

⁷ Engelhardt C. Denmark in the Early Iron Age. – London, 1866.

⁸ Династия скандинавских конунгов, к которой принадлежали первые исторические правители Швеции и Норвегии. – Примеч. ред.

Инглинги оставили нам, во-первых, потрясающей мощи эпос. Именно от них и напрямую связанных с ними англосаксов и ютов, оказавшихся в Британии, происходит замечательная поэма «**Беовульф**». Она написана англосаксами, уже христианизированными, но тем не менее прекрасно помнящими свои корни. А во-вторых – благодаря Инглингам в Англии появляются поистине эпические захоронения, имеющие непосредственное отношение к Скандинавии (включая современные Шлезвиг-Гольштейн и Данию). К примеру, королевское захоронение из курганного некрополя **Саттон-Ху** на востоке Англии не имеет ничего общего ни с какими континентальными, даже языческими, обычаями погребения⁹.

Из этого захоронения происходит знаменитый **шлем с железной маской** в виде человеческого лица; там же найдены останки корабля, большое количество оружия, великолепно украшенный щит. Кстати, еще одним маркером этой героической эпохи можно считать отделку оружия драгоценными гранатами, которые буквально заливают золото красным цветом. Если мы читаем поэму «Беовульф» и приглядимся повнимательнее к сокровищам из Саттон-Ху, то поймем, что они связаны между собой, ибо найденное оружие в массовом порядке украшено сценами из «Беовульфа».

Итак, появляется первое протогосударство, вождество Инглингов. В основном оно концентрировалось в районе **Старой Упсалы**, неподалеку от озера **Меларен** (средняя Швеция). Представители этого первого государства оставили после себя гигантские королевские курганы, какие вообще можно себе представить. Например, Оттар Эгильссон, упоминание о котором мы находим в «Беовульфе», похоронен неподалеку от деревни **Вендель**, хотя, собственно говоря, еще не принадлежит к вендельской эпохе. Идентифицировать его удалось во многом благодаря преданиям: там до сих пор имеется Оттаров курган. Судя по всему, именно королевские курганы под Упсалой и есть курганы тех самых королей Инглингов, о которых написано в «Круге земном», – хотя бы потому, что их размер настолько внушителен и в них было захоронено столько инвентаря, что никому другому принадлежать они не могли.

Шлем из кургана Саттон-Ху, VI в, Англия (реконструкция)

Посмотреть эти иллюстрации можно [здесь](#):

Государство Инглингов просуществовало очень недолго. Примерно в **550** году оно распалось в результате военной междоусобицы в силу того, что не имело под собой твердого материального основания; мощный поток золота и серебра, поступавший из Римской империи, прекратился, потому что прекратилась сама Римская империя; грабить было больше некого, да и на континенте орудовали точно такие же лихие деятели – попробуй их ограбь! Добычи,

⁹ The History of British Art, Volume 1: 600–1600. Yale Center for British Art, 2008, 44.

которую можно было поделить, стало не хватать, а новые, столь же буйные, германцы продолжали рождаться. Начались усобицы. На эту тему в «Песни о Хлёде» из «Старшей Эдды» есть очень показательный диалог между молодым знатным воином и конунгом¹⁰, то есть верховным правителем.

Молодой герой заявляет старшему товарищу следующее:

«Я хочу половину наследия Хейдрека,
доспехов, мечей, скота и приплода,
сокровищ казны, жерновов скрипящих,
рабов и рабынь с их ребятами вместе,
и лес знаменитый, что Мюрквид зовется,
на готской земле могилы священные,
камень чудесный в излучинах Данпа,
кольчуг половину, у Хейдрека бывших,
земель, и людей, и блестящих колец».

Конунг, в свою очередь, весьма удивлен подобным заявлением и отвечает:

«Сначала расколется щит сверкающий,
и с холодным копьем столкнется копье,
и воинов много падет на траву,
прежде чем Тюрвинг начну я делить
или дам тебе, Хумлунг, долю наследства».

Итак, начинается **междоусобная война**, причем такой жестокости и накала, что примерно в середине VI века пропадает примерно на 50 лет, то есть на продолжительность жизни двух поколений, знаменитый «звериный стиль» в отделке различных предметов и оружия: создавать красивые функциональные вещи оказалось банально некому и не для кого. Однако, что характерно, даже столь жестокая междоусобная война, раздиравшая державу Инглингов изнутри, не привела к запустению. Наоборот, появилось очень **много укрепленных поселений**, потому что сформировалась конкретная опасность, от которой необходимо было обороняться. Надеяться на какую-либо помощь «из центра» больше не приходилось.

В это время (конец VI–VII век) складывается новая эпоха – вероятно, не менее блестящая, чем период правления Инглингов. Это эпоха **Венделя**. Теперь одно большое вожжество скандинавов было поделено на **несколько более мелких вожеств**, каждое из которых по своему организовало местные потоки средств. Можно утверждать, что в вендельскую эпоху исподволь формируется эпоха викингов, начавших, естественно, с размахом грабить и резать друг друга.

В окружающем мире тем временем происходит много важных событий – в частности, **входит в обиход железный лемех плуга**, позволяющий обрабатывать тяжелые земли средней Швеции. Это означает серьезный прорыв и в повседневной жизни, и в историческом развитии территорий, о которых мы ведем речь. Появляется возможность (да и не только возможность, но и прямая необходимость – в силу того, что государство теперь раздроблено) применить абсолютно новый стиль ведения хозяйства: **люди начинают селиться на небольших хуторах**. Если население хутора составляло, скажем, 50–70 человек, это уже считалось «много». Вот на таких небольших хуторах и жили **«могучие бонды»** – свободные земле-

¹⁰ Изначально конунг исполнял функции военного вождя, но в процессе развития государственности у скандинавов власть конунга постепенно выросла до масштабов королевской. – *Примеч. ред.*

владельцы, являвшие собой низшую ступень территориально-хозяйственной общины. Они были самодостаточны и собирались в рамках родственных связей лишь для решения конкретных проблем: законодательных, военных или просто организационных. Допустим, требовалось вырубить рощу – для этого собирались все, потому что в одиночку такую работу не потянуть. Подобное устройство общества очень важно: во многом именно из него впоследствии и вырастет эпоха викингов.

Появление прочной материальной базы сделало возможным разведение скота в большом количестве, так как его теперь стало легче кормить. Учитывая, что в большей части Скандинавии почвы, пригодной для земледелия, не слишком много и она не особенно плодородна, **складывается смешанный тип хозяйства**, в основе которого лежит не только обработка земли. Конечно же, люди тратят много усилий и времени на пахоту, ведь это одна из основ средневековой экономики. Но кроме этого, они вынуждены пасти скот (никакой экзотики: как у всех – овцы, козы, коровы) и заниматься ремеслами, в первую очередь морским промыслом – ловлей рыбы – и торговлей. Все перечисленные занятия и составляют смешанный тип хозяйства: это тоже нужно иметь в виду, размышляя о том, что вызвало к жизни эпоху викингов.

Около VII века появляется еще одно важное новшество – **парус на лодках**. Собственно, парус был известен германцам задолго до этого времени (они не могли не видеть его на чужих судах), но у них доселе не было в нем надобности ввиду ограниченной дальности путешествий. К примеру, переплыть Ла-Манш – 32 км в самой узкой части – можно было и на веслах.

И вдруг появляется парус! Главная причина – в том, что возникает **килевой корабль**. Одна из самых древних ладей, найденных в Скандинавии и, шире, в северогерманском регионе, – это лодка, обнаруженная в местечке **Хьёртшпринг** («Прыжок оленя») и датированная IV–III веками до н. э. Это судно практически без киля, то есть оно представляет собой брус, к которому пришиты доски, составляющие борта; при этом брус не выдается вниз и бортовые доски весьма невысоко выступают над водой. Настолько низкобортную ладью парусом оснащать нельзя, потому что порыв ветра запросто ее перевернет.

Суда из озера **Нидам** – это рубеж веков, начало I века н. э. Важно, что они сшиты лыком, то есть в досках пробиты дырочки для сшивания, и никаких заклепок нет. А вот суда из **Квальзунда** (V–VIII века) уже сбиты на заклепках: следовательно, они стали жестче и можно было нарастить борт над водой. Здесь и появляется киль – продольная основа лодки, на которую набирается силовой комплект поперечных ребер-шпангоутов, а уже на них нашиваются доски бортов. Киль, выдаваясь вниз, придавал лодке поперечную остойчивость, что дало возможность поставить на нее парус.

Эти паруса имели примитивную прямоугольную форму (в отличие от, скажем, продвинутого косолатинского паруса), однако со своими задачами вполне справлялись. Скандинавская ладья – как, впрочем, и любой скандинавский и северогерманский корабль – представляет собой простое судно, главной особенностью которого является отсутствие выраженных **носа и кормы**. Это значит, что для того, чтобы поменять направление движения, корабль разворачивать не надо – достаточно гребцам пересечь лицом в другую сторону.

Корабли имели довольно небольшие размеры. Как правило, длина судна напрямую определялась длиной ствола дуба, годившегося для изготовления киля. Скреплять стволы друг с другом тогда кораблестроители не умели – конструкции получались непрочными. Поэтому киль практически любого судна представлял собой результат обработки цельного дуба после отрубания корневища и верхней части ствола. Знаменитый **гокстадский драккар** имеет чуть больше 23 м в длину, включая сильно выдающиеся штевни, на которых были установлены головы драконов (собственно, поэтому такие корабли и называются драккарами); **драккар «Роскильде б»**, датированный серединой XI века, – порядка 36 м¹¹.

¹¹ *Шартран М., Хит И.* Викинги. Мореплаватели, пираты, воины / Предисловие Магнуса Магнуссона; пер. с англ. А.

Соответственно, чем крупнее корабль, тем больше человек он в состоянии вместить. У гокстадского драккара предусмотрены 32 весельных порта – на 16 пар гребцов; кроме них, на судне могли в то же время присутствовать еще около десяти человек: всего, стало быть, – не более 45 участников плавания. Роскильдский драккар мог принять на борт около 70 человек.

Появление паруса на скандинавских судах ознаменовало настоящий технологический прорыв в развитии мореходного дела и всего общества. Парус стал главной движущей силой кораблей, ведь под ним можно идти сколько угодно, пока дует ветер. Если ветер стихнет, можно сесть на весла и, не прекращая движения, дожидаться нового ветра. Весла применялись в более экстремальных ситуациях – например, в процессе подготовки к бою (тогда мачту складывали и парус убрали), а также для различных маневров (во время шторма или причаливания в бухте). Одним словом, **парус расширил радиус действия корабля** практически до бесконечности, позволяя мореходам в любой момент пристать к берегу, отдохнуть, запастись провизией и водой – и отправиться дальше. Поэтому появление паруса у скандинавов по масштабности последствий вполне сопоставимо с изобретением двигателя внутреннего сгорания или даже с полетом человека в космос. Кстати, это еще одна причина появления феномена викингов.

В историографии существует масса гипотез относительно причин, вызвавших к жизни эпоху викингов. Одной из первых является **гипотеза о перенаселении**, утверждающая, что в результате потепления появилось столько лишних людей, что сами особенности культуры северных германцев вынудили их отправиться в чужие земли на грабеж, откуда, конечно же, вернулись не все. Вряд ли подобное развитие событий явилось результатом чьего-то коварного замысла по избавлению от лишних сородичей – скорее, это следствие естественного хода истории.

Другое предположение основано на **идее об экономическом кризисе**. Однако замечательный скандинавский археолог Хольгер Арбман доказал, что, несмотря на кажущуюся убедительность этой теории, данные археологии никак не подтверждают следов экономического кризиса. Наоборот, имеются неопровержимые свидетельства того, что люди стали жить лучше, чем жили прежде. Действительно, для того, чтобы строить корабли, нужна прочная экономическая база. Ведь из чего состоит полный цикл подготовки к плаванию? Нужно свалить определенное количество подходящих деревьев, отволочь их к морю, там обработать, построить сам корабль, а затем набрать команду, вооружить ее... но этого мало! Самое главное, чтобы вас не убили лихие соседи, пока вы всем этим занимаетесь.

Кстати, постройка корабля – процесс небыстрый и затратный. Известно, что в среднем бригаде из 12 взрослых крепких мужчин требуется **год для того, чтобы изготовить судно**. Соответственно, весь год их нужно обеспечивать продовольствием, заботиться об их отдыхе и безопасности. Охрана мастеров и строящегося судна – отдельная проблема: во время работы строители не должны отвлекаться на посторонние занятия, наподобие неожиданных конфликтов с конкурентами заказчика.

Кроме того, требуется обеспечить достаточное количество провианта для экипажа – потому что, допустим, пока вы доплывете до Испании и ограбите Севилью, ваша команда съест и выпьет все запасы, а еще неизвестно, удастся ли успешно пограбить на берегу. Поэтому любая морская экспедиция – это серьезное экономическое мероприятие.

Повсеместное использование парусов привело к весьма неожиданному, хотя и закономерному, эффекту: в разы **увеличилась нагрузка на сельское хозяйство**. Появилась потребность в огромном количестве шерсти. Дело в том, что парус даже для небольшой (15–18 м в длину) лодки огромен; потребности мореплавателей несравнимы с нуждами обычного домохозяйства, с его привычным шитьем повседневной одежды.

Тогдашняя жизнь в Скандинавии имела еще одну, очень важную особенность: тип наследования и распоряжения землей. В эту эпоху складывается знаменитый **одадь** – нечто похожее на европейский континентальный аллод, но не идентичное ему. И то и другое представляет собой наследственное держание земли, однако **в Скандинавии землю наследовал только старший сын**, а остальные сыновья должны были отделяться и уходить куда-либо. В силу того что в тех краях, как уже было отмечено, резерв для внутренней колонизации был весьма невелик, земли стало очень быстро не хватать. Этим, помимо прочих причин, и был вызван развал династии Инглингов: землю начали делить. В вендельскую эпоху делить ее продолжили, что привело к страшным конфликтам и резне (так называемой **внутренней эпохе викингов**).

Одадь существовал очень долго, и именно с ним связано невероятное для средневекового патриархального общества на удивление уважительное отношение к женщине и **наделение ее очень большими правами**. Для таких рассуждений даже не нужно обращаться к письменным источникам – обо всем расскажет погребальный ритуал: в осебергском драккаре (одном из самых больших и роскошных, известных на сегодняшний день) похоронена женщина. Это говорит о том, что огромные средства были выделены на похороны знатной особы именно женского пола. Вообще же в скандинавском обществе женщина являлась полноправным членом общины и пользовалась совершенно немислимыми для того времени правами – например, свидетельствовать в суде или подать на развод (и ее просьбу могли удовлетворить). Более того: она могла вполне самостоятельно возглавлять какую-либо территорию. Во многом подобной свободой скандинавская женщина была обязана упомянутому одадю – ведь твердое владение земельными наделами подразумевало, что землей кто-то должен управлять, чтобы она не ушла из рук рода, даже если почему-либо в нем вдруг не окажется наследника мужского пола. Если получается, что должна наследовать женщина, – делать нечего, лучше уж так, чем совсем оставаться без наследника. Здесь ни в коем случае не нужно стараться усмотреть зачатки феминизма или демократической борьбы за равные права: это всего лишь стремление к материальному благополучию своего рода. При общей схожести целевые установки совсем разные, и они имеют совершенно разные последствия.

Я уже упоминал, что экономика в данном регионе складывалась смешанная. Это значит, что невозможно было прокормиться, а тем более получить изрядный прибыль только с какого-либо одного типа хозяйствования (например, со вспашки земли, разведения скота, рыбной ловли или торговли). Поэтому каждая территориально-экономическая община должна была быть предельно универсальной: уметь построить, оснастить и выставить корабль – хотя бы для того, чтобы наловить сельди; иметь свой скот, свою землю и своих землепашцев.

Таким образом, происходит временное **распределение экономического пространства** между довольно маленькими объектами. Этим обусловлено стремительное падение вендельской эпохи, потому что вендельские короли – почти Инглинги, достигшие потрясающего уровня материальной культуры, – больше не могли концентрировать в своих руках такое количество средств, чтобы позволить себе привычную роскошь. Надо сказать, что мало у кого в Европе было столь же красивое и роскошное вооружение: шлемы, кольчуги, наручи, поножи. Мечи – сложнейшие, украшенные так, что ни в сказке сказать, ни пером описать; их производили на месте и ввозили с Рейна. В своей замечательной книге **«Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси»**¹² выдающийся археолог Г. С. Лебедев утверждал, что это вооружение – парадное, однако есть серьезные основания считать его именно боевым. Рассуждения средневекового человека просты и логичны: если ты имеешь достаток, то на войну должен идти самым красивым. Тем самым ты делаешь все, чтобы не опозорить свой род, свое досто-

¹² Всем интересующимся эпохой викингов очень рекомендую к прочтению эту книгу. Она была издана в 1985 году и, вероятно, многим известна в таком виде. Ровно через 20 лет, в 2005 году, была опубликована снова – однако вряд ли это можно назвать переизданием: название сохранилось, а вот объем увеличился в несколько раз за счет добавления новых материалов и переработки прежнее.

инство, воинское звание, свою удачу, наконец. От того, как ты выглядишь на поле боя, будет зависеть мнение богов о тебе: ведь если ты скупой, значит, ты не уважаешь ни соратников, ни противников, ни самих богов. Поэтому средневековая битва – это не просто бой, это еще и **религиозное действие**, где очень важно быть лучше всех и произвести на всех (в том числе на богов) правильное впечатление. Кстати, попав в плен в шикарном наряде, человек имел высокие шансы остаться в живых, так как мог принести ощутимую пользу тем, кто его пленил. Отсюда вывод: скорее всего, вся эта роскошь – золото, серебро, чеканные пластины, драгоценные камни (в частности, гранаты), перегородчатая эмаль – была предназначена именно для того, чтобы в ней отправлялись воевать.

Здесь опять же сказывается разделение Скандинавии на экономические зоны. Каждая местность представляла собой не только агрокультурный, но и торгово-ремесленный центр, во главе которого стоял некий вождь или по крайней мере наиболее могущественный род; его задачей была непрерывная демонстрация окружающим своей удачи и славы. Каково материальное воплощение удачи и славы? Конечно же, большое количество денег или средств, их заменяющих. Со своей земли получить эти средства было невозможно, поэтому в Скандинавии шла **бесконечная война**, а поскольку никому не удавалось сконцентрировать ресурсы настолько, чтобы добиться решительного перевеса, эта война теоретически могла бы продолжаться и тысячу лет. Впрочем, гораздо раньше она закончилась бы тем, что все перерезали бы друг друга и кто-нибудь пришлый просто захватил бы оставшихся в живых и их земли.

Причиной постоянной войны была необходимость в богатствах – следовательно, **требовался какой-нибудь внешний ресурс**. Вариантов его получения было только два: либо прямой военный грабеж соседей, либо торговые операции с максимальной маржой, то есть не обычная торговля с прибавкой 15–20 % в свою пользу, а, скажем, 300, 500, 1000 % прибыли – и, следовательно, опять же покорение соседей, разве что мирным способом, и выигрыш в конкурентной борьбе. Таким образом, скандинавы начали отправлять своих молодых людей **в чужие края на грабеж и торговлю**.

Где же они собирались торговать? В первую очередь, конечно, там, где можно сразу получить огромную прибыль, – на севере и северо-востоке Восточной Европы: это территория будущей Руси. Сделаю небольшое отступление для приверженцев норманнской теории и отмечу, что **скандинавы пришли на территорию Ленинградской области почти одновременно со славянами** (а вовсе не позже их), и эта земля точно в такой же степени принадлежит им, как и нам: славяне поселились здесь в конце VII – начале VIII века, а скандинавы – в первой половине VIII века. И те и другие с одинаковым правом и в одно и то же время жили на этой территории. В **Старой Ладоге** одна из древнейших построек, относительно датировки которой нет сомнений, – скандинавская усадьба (753 год)¹³. Славянские же постройки в этой местности, уверенно датируемые, относятся только к 770–780 годам – а значит, были сооружены на 20 лет позже. Отсюда вывод: мы, славяне, пришли на северо-восток будущей Руси не раньше и не позже скандинавов, а практически одновременно.

Скандинавы были на этих землях такими же «своими», как и славяне и финно-угры: все вместе составляли местное население. Понятно, что скандинавов, занимавшихся здесь торговлей и ремеслом, было гораздо меньше, чем славян, которые пришли на эти земли, ведомые не конкретной целью (к примеру, торговать), а просто желанием спокойно жить.

Итак, скандинавы намерены торговать. Первым делом они отправились, понятно, **на север за пушниной**: этот товар, выменянный у саамов и финнов по несоизмеримо низкой ставке, давал до 1200–1500 % прибыли. Это было беспроигрышное попадание: например, во Франции таких товаров вообще не имелось, однако они обозначали уровень роскоши и ста-

¹³ Кузьмин С. Л. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. – СПб.: Нестор-История, 2008, 69–94.

тус владельца не хуже золота и драгоценных камней. Прибыль скандинавских перекупщиков достигала космических высот. Поэтому они были кровно заинтересованы в соблюдении приличий на чужих землях: если уж занимаешься торговлей, безобразничать запрещено. Наоборот, нужно поддерживать порядок, защищать вверенную территорию от порой набегающих сюда своих же соплеменников, не позволять местным ссориться...

Вдруг выяснилось, что славяне получают настоящие серебряные деньги из **Арабского халифата**: этому способствовали налаженная поэтапная торговля, в ходе которой они передавали друг другу товары, и, конечно же, родственные связи (напомню, что славянские племена занимали обширную территорию от Болгарии до Ладоги). Мы подошли к последней предпосылке возникновения эпохи викингов.

В VIII веке арабы завоевали Северную Африку и вторглись в Испанию, полностью перекрыв Средиземное море и уничтожив развитую систему международной торговли, которая сложилась еще в древние времена, начиная с бронзового века и заканчивая эпохой Римской империи. Она была построена на использовании Гибралтарского пролива и прочных доверительных отношениях с контрагентами, находящимися с другой стороны Средиземного моря, в Африке. Вмешательство арабов совершенно разрушило эту систему; более того – оно породило невообразимых масштабов пиратство на Средиземном море, ставшем, вместо источника богатства, средоточием серьезных проблем. Поэтому сразу же возникла потребность в определении новых, **обходных торговых путей** и налаживании новых торговых связей. Главную роль в новой системе торгового сообщения стали играть **речные** континентальные пути: Рейнский, Волжский (наиболее удобный, ведущий непосредственно в Каспийское море), Днепровский и Дунайский.

Вот это самое серебро, получаемое славянами от арабов, и явилось своеобразной последней каплей, переполнившей историческую чашу подготовки эпохи викингов: серебро нужно было забирать, потому что в Европе своего серебра тогда не хватало, его не добывали в достаточных количествах. На испанских рудниках, в большинстве своем истощенных еще при римлянах, кое-что по-прежнему добывалось, но этого категорически не хватало для покрытия возросших потребностей в монетарной массе. **Были необходимы новые источники серебра** – и викинги отправились туда, где это серебро есть. Действовали они в двух направлениях: с одной стороны, они серебро отнимали, а с другой – выменивали на товары. Пустившись по суше в сторону Каспийского и Черного морей, они (естественно, в силу темперамента) грабили попадавшиеся им под руку племена, не связанные непосредственно с торговым путем, и наконец поссорились даже с хазарами, в результате чего Волжский путь надолго закрылся для славян. Пришлось основывать **путь «из варяг в греки»**, вокруг которого и родилось государство Русь. Обходя же водными путями Европу, морские разбойники грабили, уже совершенно не стесняясь.

Таким образом и началась эпоха викингов. Сначала их вылазки были достаточно робкими, а потом уже эти искатели приключений развернулись. Необходимо тем не менее отметить, что торговать и колонизировать викинги начали на Руси раньше, чем грабить. Каждому, и буйным скандинавам в том числе, было понятно, что торговля – гораздо более спокойное занятие. Однако, поскольку Рюрик Ютландский и его предшественники уже перекрыли для части своих сородичей этот путь и эти земли, всем остальным пришлось ходить туда, где можно было что-нибудь забрать.

Нужно иметь в виду следующее: любая миграция такого масштаба имеет под собой сложный комплекс причин, которые, только сложившись вместе, способны породить подобное явление. Мы уже выяснили основные причины, среди которых – **научно-технический прогресс, приведший к появлению паруса и килевых лодок**, скрепленных с помощью заклепок; **образование прочного экономического базиса**, давшее возможность **строить корабли**, то есть, проще говоря, отвлекать множество людей от производства еды; **разде-**

ление жителей на довольно мелкие территориально-экономические общины (которые пока еще подчинялись правителям Венделя); **увеличение населения вплоть до его избыточности**; ну и, конечно, внутрискандинавское **экономическое оскудение территории** в целом и **стягивание материальных ресурсов** в очень узкие места, а также **конкуренция за главенство во всем регионе и контроль над балтийской торговлей**. Все перечисленные слагаемые, объединенные в одно время и на одной территории, и породили эпоху викингов.

Эта эпоха буквально перевернула карту Европы, а закончилась по большому счету, не в 1066 году: последним эхом эпохи викингов стал **Первый крестовый поход** – предприятие, во многом организованное по томкам викингов, принявшими в нем самое горячее участие.

Символично, что последний «вздых» эпохи викингов завершил то, с чего все началось, – то есть арабское владычество над Средиземным морем: в Святой земле были обустроены порты, сделавшие ненужными обходные речные пути. Можно сказать, что движение викингов имело цель – и достигло ее¹⁴.

¹⁴ В последнее время у нас стало модно рассуждать о том, что никакого нашествия монголо-татар на Русь не было. Не исключено, что в Скандинавии кто-нибудь так же думает о викингах, но я таких не встречал. Викинги оставили о себе настолько богатую материальную и духовную память, что очень сложно вообразить оригиналов, полагающих, будто их просто придумали! К примеру, в одной только Скандинавии найдено более 300 рунических камней, датируемых V–XI веками, и на остальных территориях они тоже встречаются. В частности, на знаменитом руническом камне, обнаруженном на острове Березань неподалеку от Крыма, написано, кто и зачем поставил его. Хотя если кому-то нравится думать, что эти камни поставили гиперборейцы, а викинги (или еще кто-нибудь) их просто выкопали потом, – что ж, пускай так думает, это его право.

Глава 2. Вооружение и военное дело

Поговорим о вооружении, тактике и военном деле викингов и их ближайших соседей, которые от них страдали; узнаем в подробностях, почему так происходило. Вероятно, немало соседям пришлось натерпеться, иначе не возникла бы специально благословленная и официально установленная молитва:

A furore Normannorum libera nos, o Domine! («От ярости норманнов избави нас, Господи!»)

В этом отношении викинги мало чем отличались от, скажем, половцев и монголов – разве что приходили с моря. Их набеги перетряхнули буквально всю Европу, от Византии до Исландии, досталось даже индейцам в Северной Америке (правда, не столь разрушительно, как европейцам, благодаря их удаленности).

Вся эпоха викингов так или иначе связана с военными действиями. Всякий викинг – в первую очередь воин, поэтому любой разговор об этих морских завоевателях невозможен без знакомства с особенностями военного дела раннего Средневековья: как сражались сами викинги, чем их встретили на континенте, кто какое вооружение использовал.

Известный стереотип – викинг и топор. Здесь важно иметь в виду, что боевые топоры заметно отличались от тех, которыми рубили деревья. Безусловно, топор гораздо дешевле меча, однако и мечей уже нашлось огромное количество. На момент написания **Яном Петерсеном** в 1919 году знаменитой книги «**Норвежские мечи эпохи викингов**» (*De norske vikingsverd*) в одной только Норвегии археологами было обнаружено 2200 экземпляров! Множество подобных находок было сделано в Швеции, Дании, на прилегающих землях. Массовому распространению меча удивляться не стоит: он известен с бронзового века. Уже отмечалось, что мечи производились и во Франкском государстве, и самими скандинавами, благо у них имелись прекрасные месторождения руды, которые обеспечивали отличное качество железа.

В «**Sage об Эгиле**» есть любопытный момент: во время битвы меч гнулся, и Эгиль выпрямлял его ногой прямо в ходе боя. Это означает, что меч был низкого качества, дешевый. Меч в большей степени, чем любое другое оружие, очень требователен к технологии производства. Он обладает значительной длиной; следовательно, на него уходит много металла, и весьма высока вероятность, несмотря на опыт и старания мастера, серьезно ошибиться при его изготовлении, причем на всех этапах – как при ковке, так и при закалке и последующей обработке. Такое могло произойти в силу совершенно объективных причин, ведь любые методы объективного контроля: измерение толщины клинка с помощью ультразвука, рентгено- и металлография и пр. – в ту эпоху просто не существовали. Даже лучший кузнец мог изготовить не самый хороший меч просто потому, что получил не очень качественный материал и не сумел проверить его должным образом. Раннесредневековый меч – в отличие от, скажем, современного автомата Калашникова – не делался поточным методом в соответствии с ГОСТами из одинаковых деталей стандартного качества. Приходилось работать с железом такого качества, какое имелось, без малейшей возможности узнать, что у него внутри. Подразумевалось, конечно, что грамотный молотобоец правильно его подготовил и очистил от шлаков, – однако гарантий никто не давал. Качество, выражаясь современным языком, «гуляло», и могли случаться самые разные казусы. Это, в свою очередь, открывало широчайшее поле для ссылок на магию и вмешательство сверхъестественных сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.